

ОДНОСОСТАВНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ В ЖАНРЕ ЗАГАДКИ

*Шерматов Иzzат Хамраевич, преподаватель Ургенчского
государственного университета*

TOPISHMOQ JANRIDA BIR TARKIBLI GAP

*Shermatov Izzat Xamraevich, Urganch davlat universiteti
o'qituvchisi*

A SINGLE-PART SENTENCE IN THE GENRE OF A RIDDLE

Shermatov Izzat Khamraevich, teacher at Urgench State University

Annotatsiya: Ushbu maqolada kognitiv-pragmatik yondashuv doirasida topishmoqli nutqda rus tilining bir tarkibli gaplari tahlil qilinadi. Tahlilning maqsadi – bir tarkibli gaplarning konseptual va kommunikativ xususiyatlarini aniqlash. Tadqiqot materiali yirik rus etnograflari va folklor to'plovchilaridan biri Dmitriy Nikolayevich Sadovnikovning "Rus xalqining topishmoqlari" klassik nashri matnlaridir.

Kalit so'zlar: bir tarkibli gap, rus tili, sintaktik tushuncha, muhokama, pragmatika.

Аннотация: В данной статье анализируются односоставные предложения русского языка в дискурсе загадки в рамках когнитивно-прагматического подхода. Целью анализа является определение концептуальных и коммуникативных особенностей односоставных конструкций. Материалом исследования послужили тексты из классического издания «Загадки русского народа» Дмитрия Николаевича Садовникова, одного из крупнейших русских этнографов и собирателей фольклора.

Ключевые слова: односоставное предложение, русский язык, синтаксический концепт, дискурс, прагматика.

Annotation: This article analyzes single-component sentences of the Russian language in riddle discourse within the framework of the cognitive-pragmatic approach. The purpose of the analysis is to determine the conceptual and communicative features of single-component structures. The research material was texts from the classic publication "Riddles of the Russian People" by Dmitry Nikolaevich Sadovnikov, one of the largest Russian ethnographers and collectors of folklore.

Keywords: single-part sentence, Russian language, syntactic concept, discourse, pragmatics.

ВВЕДЕНИЕ. Дискурс загадки представляет собой фреймовый тип концепта [Маслова 2005: 46]. Как и в любом речевом жанре фольклора, обобщённый субъект является здесь автором текста. Сам же текст относится к детскому фольклору, функционирующий как досуговая форма быта крестьян дореволюционной России [Капица 2002:156].

Адресат речевых актов исследуемого жанра – неопределённый, обобщённый, так как дискурс загадки – это коллективная словесная полилогическая форма общения в детском сообществе, а возможно, и в среде молодых людей ушедшей аграрной империи.

Под дискурсом [Скребцова 2020:11] мы здесь понимаем процесс бытования текста

[https://orcid.org/
0000-0003-4565-3008](https://orcid.org/0000-0003-4565-3008)

e-mail:
izzatshermetov88@gmail.com

загадок в речевой среде крестьян. Явление, предмет, событие, обозначенные в загадке, передаются посредством описания в различных регистрах речи [Золотова 2004:442]. Содержательным основанием данных микротекстов является метафора.

Языковая метафорика загадки настолько богатое явление речевой выразительности, образности, что, думается, в рамках статьи мы лишь обратимся к малой толике народной мудрости – к синтаксису односоставной конструкции в дискурсе загадки.

Опираясь на фреймовый характер загадок, проанализируем односоставные предложения [Грамматика 1970:560] как средства объективации синтаксических концептов.

ЛИТЕРАТУРА И МЕТОД.

Материалом исследования послужили тексты из классического издания «Загадки русского народа» Дмитрия Николаевича Садовникова, одного из крупнейших русских этнографов и собирателей фольклора. Грамматический анализ осуществляется посредством метода описания односоставных предложений как речевых единиц, модифицирующими при реализации смысла синтаксических концептов. Такой подход к исследуемым единицам оправдан жанровым бытованием дискурса загадки.

ОБСУЖДЕНИЕ. В определённо-личных предложениях с предикатом в форме первого лица единственного числа актуализируются действия, которые совершает описываемый предмет. Основанием метафоризации действий, относящихся к полю синтаксического концепта «Конкретное физическое действие предмета» является олицетворение: *По небу хожу, на землю гляжу* (о солнце, текст № 2447). Использование формы первого лица для обозначения функций темы загадки, как нам кажется, связано с интуитивным восприятием особенностей детской психологии: ребёнок не выделяет себя на первых ступенях речевого развития из окружающего мира; он склонен приписывать свойства людей объектам неживого мира, и наоборот. Так он познаёт жизнь, что отразилось частично и в выборе инструментария народной грамматической поэтики.

Опыт поколений, некий совет, обобщение оформляются посредством обобщённо-личных предложений: *Чего хочешь – того не купишь, чего не надо – того не продашь* (о молодости и о старости, № 2047).

В определённо-личном предложении *Одного не знаю, другого не вижу, третьего не помню* (о смерти, о возрасте и о рождении, № 2059) реализуется концепт «Восприятие» в форме функционального описания предмета.

Установка на доступность понимания, распространённость описываемого явления вербализуется на основе изображения повторяемости действия в обобщённо-личном предложении: *Как ни брошу – ко всему льнёт* (о имени, № 2059). Мы наблюдаем свойство интенсивности. Такой же характер обобщения облекается в словесную форму в неопределённо-личных предложениях: *На что глядят, да не видят, про что ведают, да не знают* (о росте, № 2062). Глагольная семантика влияет на актуализацию неопределённо-личными предложениями в этом тексте концепта «Речемыслительная деятельность человека». В этой конструкции передаётся дуализм процесса познания, образ народной мысли.

Актуализация признака в безлично-генитивном предложении «абсолютное необладание предметом» синтаксического концепта «Бытие» выступает средством объективации лингвокультуры «Богатство»: *Ни дров, ни свечей, чем истопить печей, в правом сочельник, в левом чистый понедельник* (о нищете, № 2069). Вторая односоставная конструкция здесь – безлично-инфинитивная вопросная вставка – связана с вербализацией синтаксического концепта «Социальная деятельность человека», отражает его семантический компонент – невозможность совершить действие в силу объективных обстоятельств. Две последние конструкции – номинативные предложения с обязательным локативом – вербализуют синтаксический концепт «Бытие», где лексическая составляющая подлежащих обуславливает темпоральную сему и даёт представление о христианских ценностях русского крестьянина.

Негация в фольклорном тексте так используется при описании свойств явления,

предмета в безлично-модальной конструкции: *Сидит сова на корыте, невозможно её накормить ни попами, ни дьяками, ни пиром, ни миром, ни добрыми людьми, ни старостами* (о смерти, № 2032). Семантика внутрисинтаксической модальности невозможности совершения физиологического действия транслирует идею о неизбежности смерти как физическом акте завершенности человеческой жизни и обуславливает лингвокультурема «Время».

Интересно синтаксический концепт «Социальная деятельность человека» обыгрывается в загадке № 2105 о похоронах: *Идут лесом, поют куролесом, несут деревянный пирог с мясом*. Действия с обрядовым хлебом в неопределённо-личных предложениях основаны на табуировании темы смерти. Форма таких конструкций способствует созданию намеренной размытости смысла. Грамматическая множественность коррелирует с семантикой коллективной обрядности.

Безлично-генитивная конструкция как ядерное средство объективации концепта «Бытие» описывает отсутствие части предмета как его свойство, актуализируя сему «значимое отсутствие»: *Лежит тело: головы нет, а горло цело* (о штофе, № 438).

Синтаксический концепт «Физиологические действия человека» с актуализацией направленности на предмет в определённо-личном предложении также реализует идею о свойстве предмета: *Выну из рта ягодка, оближу и опять положу* (о ложке, №431а).

Обобщенно-личная вопросительная конструкция в форме второго лица единственного числа выступает как фраза-инициация в диа- и полилоге дискурса загадки: *Чего из избы не выгонишь?* Для собеседника это своеобразный стимул для мыслительной деятельности. Конструкция отражает фрагмент бытовой жизни крестьянина и вербализует концепт «Социокультурная деятельность человека».

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Структура загадки как текст представляет собой

двухчастную композицию – образ-слово и его описание, является ярким примером игры слов в народной поэзии, что предшествует идее свёрнутого предложения в грамматической науке (например, односоставное предложение *Зима!* – это фреймовая концепт-схема: тут и эмоции субъекта речи, и ассоциативные поля, основанные на индивидуальном восприятии лексики соответствующих тематических групп, и понятие о зиме, и лингвокультурема «Русская зима» и т. п). Но загадка расширяется иногда до целого театрализованного фрейма, представленного в виде диалогической речи. Видимо, здесь сказывается связь детского фольклора с явлением игры. В таких конструкциях вербализуется представление о потенциальном действии: *Дочь у матери просилась: «Возьми меня к себе!» – «Возьму тебя к себе, когда вырастешь с мене»* (об озими и ржи, № 1282).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Таким образом, традиционно жанр относится к детскому фольклору, поэтому коммуникативная функция текстов – познание окружающего мира: нравственных понятий, природных субстанций, социального мира крестьянства, а также в тексте загадки преобладают односоставные глагольные предложения, что связано с тяготением к конкретному, а не к абстрактному мышлению в интеллектуальной деятельности детского возраста.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

1. Загадки русского народа (сост. Д. Садовников). М.: Современный писатель, 1995. 400 с.
2. Золотова Г.А. и др. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: Наука, 2004. 554 с.
3. Грамматика современного русского литературного языка. М.: Наука, 1970. 769 с.
4. Капица Ф.С. Русский детский фольклор. М.: Флинта, 2002. 320 с.
5. Маслова В.М. Когнитивная лингвистика. Минск: «Тетра Системс», 2005. 255 с.
6. Скребцова Т.Г. Лингвистика дискурса. М.: Издательский Дом ЯСК, 2020. 312 с.